

яющей «письменность» от «литературы» *). Такое обследование помогло бы отделиться от укоренившихся в науку предвзятых точек зрения и оценок, касающихся как общей проблемы, взятой в целом, так и отдельных сторон ее. Я выдвину главные пункты, отправляясь от разбора книги Мартели, так как, повторяю, она отражает превосходно данное состояние науки.

Верно, что собственно литература и ее проблемы, как и проблема литературного языка, были до пол. XVIII в. предметом интереса лишь очень немногих. Но совершенно неверно, что распространение образованности с пол. столетия «не содействовало развитию русского языка, скорее обусловило проникновение французского» и порчу русского языка образованного общества, о чем говорить в один голос авторы комедий и сатирических журналов. На самом деле, с половины столетия ведется интенсивная и сознательная работа над совершенствованием языка; но эта работа ведется враздробь, ошупью, в одиночку многими образованными людьми, лишенными объединяющего центра, не знающими друг о друге, и все же движущимися в одном направлении — к уточнению языка, к обогащению его словаря, к очищению его от жаргана, жаргонов. Комедии и сатирические журналы — источник ненадежный? «Французомания» была благодарной темой, вымышленным, более чем реальным, предметом насмешек. Во всяком случае — факт, досел не обративший на себя должного внимания — наряду с копированием иностранных языков (не одного лишь французского), шло сознательное усвоение рациональных основ их структуры. Это-то усвоение содействовало собственному прогрессу русского языка. В вводной главе крупный промах: Ломоносов, — писал Антуан Мартель, — «оставил лишь бледный след в точной науке, между тем как в филологии его влияние было весьма значительным, — и во всяком случае, трудно сказать, в чем было истинное его призвание. Нужно-ли пояснять, что это — сплошное недоразумение?»

П. Биццли.

И. Малининъ. Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина. Бѣлградъ, 1934.

Въ книгѣ И. Малинина двѣ стороны. Во-первыхъ, это — попытка усмотрѣть и показать единство столь изобилующей противорѣчiami «судьбы» или, что въ данномъ случаѣ то-же, личности Бакунина во всѣхъ ея проявленіяхъ и на всемъ его жизненномъ пути. Это выполнено авторомъ тонко, проникновенно и нерѣдко очень убѣдительно. Замѣчательно хорошо показано, напр., какъ Бакунинъ ста-

*) Замѣчательно, напр., что авторы новѣйшихъ обзоровъ исторіи русской литературы обходятъ молчаніемъ такіе перлы русского художественнаго слова, какъ Житіе преп. Авакума и Заниски Н. Б. Долгоруковой (Сакулинъ, Милуковъ въ «Очеркахъ»).

вался вѣренъ себѣ, былъ вполне искрененъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось, онъ «измѣнялъ» себѣ и своимъ убѣжденіямъ, кривить душою (его «Исповѣдь», отношенія съ Муравьевымъ-Амурскимъ). Во-вторыхъ, это — попытка «свести» все содержаніе личности Бакунина къ таящейся въ сферѣ подсознательнаго изначально общей основѣ. Эта попытка можетъ быть убѣдительно только для того, кто раздѣляетъ методологическія соображенія, заставляющія автора постулировать вѣру въ мнѣ, ибо въ опытѣ «комплексъ» намъ не даны. Рамки рецензіи не позволяютъ мнѣ распространяться насчетъ моихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Ограничусь однимъ соображеніемъ. Бакунинское влеченіе къ учительству, къ проповѣдничеству, сочетанное съ нетерпимостью къ слушникамъ, максимализмъ его исканій, стихійная мощь его эгоцентризма, его «диалектическій» душевный складъ, отразившійся на его жизни столько же, сколько на его мысли, — все это черты общія у него съ людьми, съ чьими именами связывается у насъ по преимуществу представленіе о его времена какъ культурномъ моментѣ — Рихарда Вагнера, Маркса, Ницше; времени титановъ, «сверхчеловѣковъ», «человѣкобоговъ», богоборцевъ, основателей новыхъ религій. Что-же — всѣ они были поражены одной и тою же душевною травмою? И если пораженность его — дѣйствительно, согласно теоріи Фрейда, болѣе или менѣе общечеловѣческое свойство, то все-же остается еще объяснить, почему въ опредѣленный историческій моментъ «вытѣсненіе» соответствующаго комплекса и его «сублимацій» обусловили собою то, что вовсе не является общей чертою всѣхъ выдающихся людей всѣхъ временъ, — влеченіе къ «бунту». Подзаголовокъ книги кроетъ въ себѣ цѣлую новую проблему — психологию титанической культуры середины XIX в. Желательно, чтобы авторъ книги, свидѣтельствующей о его даровитости какъ психолога, продолжилъ свою работу въ этомъ само собою намѣчающемся направленіи, — а это значитъ: отъ абстрактно-психологическаго изслѣдованія перешелъ бы къ конкретному. Напомнимъ, что Зомбартъ въ «Der Proletarische Sozialismus» тоже ставитъ бунтарство Бакунина въ связь съ его неладами съ родителями; но только отсюда онъ не пускается въ изслѣдованіе сферы подсознательнаго, а просто вводитъ Бакунина въ рядъ другихъ неудачниковъ, «деклассированныхъ», ущемленныхъ жизнью людей преобладаніе которыхъ въ серединѣ XIX в. было обусловлено соціальною структурою этого періода. Методологически цѣльно здѣсь общее положеніе: конкретная психологія должна быть одновременно и индивидуальной и соціальной.

П. Бицилли.

Д. Мережковский. Иисусъ Неизвѣстный. Т. I и II. Бѣлградъ. Русская бібліотека. 367+XXVII стр., 312+XII стр.

Главное достоинство книги Мережковского въ абсолютной оригинальности его метода: это не «литература» (литература о Христѣ — невыносима), не догматическое богословіе (никому кромѣ богослововъ непонятное); это и не религіозно-философское разсужденіе: